
История СССР за рубежом

ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ АМЕРИКАНСКОГО СОВЕТОВЕДА (К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ ФРЕДИРИКА ЛЬЮИСА ШУМАНА)

Ю. И. ИГРИЦКИЙ

Воинствующий антикоммунизм определяет ныне политику и идеологию империализма, объединяя буржуазных и ревизионистских идеологов самых разнообразных оттенков и мастей. Но было бы ошибкой представлять себе всю систему современной буржуазной идеологии как некий единый монолит, не видеть разъедающих ее глубинных противоречий. Изменение в соотношении классовых сил в мировом масштабе, обусловленное усилением позиций социализма и ослаблением позиций капитализма, мощным ростом демократии и антиимпериалистической борьбы, порождает неуверенность, колебания определенных слоев буржуазии — а соответственно находит отражение и в современной буржуазной идеологии. «Буржуазная идеология, — подчеркивалось на июньском Пленуме ЦК КПСС 1963 г., — находится в состоянии глубокого непрерывного кризиса»¹.

Лицо американского советоведения в целом определяет явный антикоммунизм. Тон в изучении истории СССР в США задают яркие фальсификаторы типа Фейнсода, Даниэльса, Мейера, Пайпса, Баргурна и др.² Но к одному только антикоммунизму и откровенной фальсификации не сводится содержание американских буржуазных исторических трудов. Знаменательный факт, свидетельствующий о кризисных явлениях в недрах буржуазной идеологии, — появление исследований, авторы которых стремятся отмежеваться от оголтелого антикоммунизма, более реалистично и объективно подойти к проблемам международной политики, к изучению прошлого и настоящего нашей страны. Мы имеем в виду работы Д. Соммервила, К. Ламонта, У. Уильямса, Д. Флеминга, Э. Фромма, Д. Моррея и некоторых других американских историков, которые явно выделяются из общего потока клеветнической литературы³. Исходные позиции этих авторов различны; различна и степень достоверности выдвигаемых ими положений. Но их всех объединяет стремление способствовать лучшему пониманию современных политических проблем, взаимному общению, а не разобщению народов, укреплению мира и развитию хороших отношений между странами.

¹ «Очередные задачи идеологической работы партии». Доклад Л. Ф. Ильичева на Пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 г. «Правда», 19 июня 1963 г.

² Анализ некоторых типичных установок американского реакционного советоведения см. «История СССР», 1961, № 5, стр. 192—219.

³ См. Д. Соммервил. Избранное, М., 1960; W. A. Williams. American — Russian Relations 1781—1947. N. Y., 1952; D. F. Fleming. The Cold War and Its Origins 1917—1960, vls 1—11, London, 1961. E. Fromm. May Man Prevail? An Inquiry into the Facts and Fictions of Foreign Policy, N. Y., 1961; J. P. Murray. From Yalta to Disarmament. Cold War Debate, N. Y., 1961.

ми. Иными словами, эти люди высказываются за политику мирного сосуществования, с одной стороны, не оправдывают политики оголтелого антикоммунизма и холодной войны, с другой; как таковые, они, несомненно, занимают особое место в буржуазной науке.

Данная статья не ставит целью анализ всей этой тенденции⁴. Мы лишь попытаемся проиллюстрировать положение об определенной дифференцировке в среде буржуазных историков на примере работ одного из ведущих американских советоведов — Фредерика Льюиса Шумана. В разное время (и в весьма разной степени) он давал как положительную, так и отрицательную оценку того, что происходило в нашей стране, выражал восхищение нашими достижениями и извращал их суть, — но при всем этом всегда последовательно ратовал за мирное решение спорных международных проблем, за дружеские отношения между советским и американским народами, осуждал политику гонки вооружений, агрессии и холодной войны.

1. Ф. Л. ШУМАН: БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Впервые имя Фредерика Льюиса Шумана стало известно в 1928 г. после выхода в свет его первого крупного печатного труда «Американская политика по отношению к России»⁵, принесшего двадцатичетырехлетнему ученому звание доктора философских наук. Работа Шумана отличалась широкой источниковедческой базой, а также смелыми и необычными для американской буржуазной науки выводами о необходимости пересмотреть политику США по отношению к Советскому Союзу, установить нормальные дипломатические и торговые связи со страной, чей суверенитет был грубо нарушен интервенцией в 1918—1920 гг. Не приходится удивляться, что «Times Literary Supplement» (обозленный, помимо прочего, и тем, что Шуман возложил вину за интервенцию прежде всего на англичан) осудил эту работу: «книга содержит явные недостатки», автору присуще «стремление защитить внешнюю политику большевиков»⁶.

Можно было ожидать, что молодой ученый будет специализироваться на советской проблематике, которая в то время почти не разрабатывалась на Западе. Но Шуман предпочел заняться общеевропейской историей, в частности историей международных отношений. С 1927 по 1936 гг. он преподавал международную политику в Чикагском университете (в котором учился), вошел в Совет по социологическим исследованиям и был избран членом Американской академии политических и социальных наук⁷. А в 1936 г. мы уже видим Шумана тем, кем он предстает перед нами сейчас, — профессором колледжа Вильямса в Вильямстауне. В 1938 г. Шуману присуждается почетное звание профессора — стипендиата Вудро Вильсона, и перед ним широко открывается дверь в американский научный мир. Его приглашают читать лекции в Гарвардском университете, на следующий год в Калифорнийском. Шуман много пишет: из-под его пера выходит ряд книг по истории Франции, Германии и международных отношений в целом (забегая вперед, скажем, что его объемистый труд «Международная политика», впервые увидевший свет в 1933 г., с тех пор выдержал пять переизда-

⁴ Отношение буржуазных историков к мирному сосуществованию и их интерпретации этого принципа разбираются в статье В. Г. Трухановского «Принцип мирного сосуществования и его буржуазные критики» («Вопросы истории», 1963, № 7). Автор отмечает и появление на Западе исследований, содержащих мысль о необходимости мирного сосуществования капиталистических и социалистических стран (стр. 95).

⁵ «American Policy Toward Russia since 1917», N. Y., 1928, 399 p.

⁶ «Times Literary Supplement», October 24, 1929.

⁷ Биографические сведения о Шумане взяты из американских справочных изданий «Who's who in America» и S. L. Kunitz. Twentieth Century Authors, N. Y., 1955, с. 884—885.

ний)⁸. Вопросы истории СССР затрагивались в этих изданиях поверхностно, лишь постольку, поскольку они были необходимы автору для обрисовки положения в Европе, серьезно его беспокоившего. Шуман ясно видел опасность, которую нес европейским народам и миру разгул фашизма в странах оси; чем ближе к 1939 г., тем острее он обличает фашизм, тем более настойчиво призывает к созданию антигитлеровской коалиции.

Надо сказать, что Шуман весьма трезво оценивал сущность фашизма, его направленность и роль на международной арене. «Фашизм является социальной философией и государственной формой буржуазии в монополистический период позднего капитализма»,— писал он в 1939 г. «Землевладельцы и капиталистическая элита объединенными усилиями поддержали фашистские банды, намереваясь таким образом купить защиту от «большевизма» и добиться разъединения крестьянских и рабочих организаций»⁹. Шуман понимал, что антикоммунистическая направленность фашизма импонировала правящим кругам капиталистических стран. «Презрение к демократии и ненависть к марксизму вела фашистские государства к тому, чтобы с благословения Ватикана и при сочувствии власть имущих выработать план крестового похода против Москвы с целью „освобождения мира от большевизма“». У Шумана не было иллюзий относительно возможностей умиротворения держав оси путем уступок, он видел, что рано или поздно они приступят к открытой агрессии, ибо «конечным продуктом фашизма является империалистическая война»¹⁰.

Когда вторая мировая война была развязана и США приняли в ней участие, Шуману — как, впрочем, и многим другим американским ученым — пришлось отдать свои знания делу победы над врагом. Он консультировал правительственные органы по вопросам политики, читал лекции офицерам. Но и в военные годы он продолжал писать, с еще большей силой клеймя фашизм и пытаясь представить мир после разгрома держав оси,— так появились книги «Ночь над Европой» и «Назначение власти»¹¹.

Окончание второй мировой войны знаменовалось необычайным ростом интереса к стране Советов в самых широких слоях населения капиталистических стран. По-видимому, эта волна захватила и Шумана — во всяком случае весь его научный путь с 1945 г. и по настоящее время связан с изучением Советского Союза. В 1945 г. он завершает свою первую общую работу о СССР «Советская внутренняя и внешняя политика»¹². В следующем году Шуман начинает сотрудничать в ежегодном издании энциклопедического характера, где публикуются его обзоры, посвященные, помимо прочих тем (Венгрия, Франция), и нашей стране¹³. В апреле 1949 г. он принял участие в конференции работников науки и культуры США, проходившей в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория» под лозунгом борьбы за мир во всем мире, а в следующем году его вызвали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Вместе с другим ученым — профессором Шэпли он был обвинен в «прокоммунизме», что в США равняется семи смертным грехам. Ответчики не явились на суд антикоммунистической инквизиции, и обвинение не было доказано. Однако маккартисты начали бешеную травлю Шумана и Шэпли, трубя о том,

⁸ «International Politics», N. Y., 1933; second edition 1937, third — 1941, fourth — 1948, fifth — 1953, sixth — 1958.

⁹ «The Nazi Dictatorship», N. Y., 1939, p. 501; «Europe on the Eve», N. Y., 1939, p. 21.

¹⁰ «International Politics», 2nd ed., 1937, p. 734, 735.

¹¹ «Night Over Europe», N. Y., 1941; «Design for Power», N. Y., 1943.

¹² Мы будем ссылаться на четвертое издание этой книги («Soviet Politics at Home and Abroad», N. Y., 1947, 664 p.).

¹³ «The New International Year Book», N. Y., Funk and Wagnall's Company, 1946.

что они «в течение многих лет оказывали широкую поддержку политике Советского Союза»¹⁴. Впрочем «дело Шэпли — Шумана» было лишь одним из множества подобных, характерных для «охоты на ведьм» в США в 50-е годы.

В 1952 г. выходит объемистый труд Шумана «Сообщество людей», в котором он, горюя о том, что разногласия между государствами не только не сглаживаются, но, напротив, усиливаются, размышляет о возможности урегулирования международных проблем. Через пять лет он вновь выступает с книгой о Советском Союзе — это, по сути дела, значительно переработанное и дополненное издание его первого послевоенного труда, названное ныне «Россия после 1917 г.»¹⁵. В последние годы Шуманом написаны работа о советском государственном строе и брошюра «Холодная война: взгляд в прошлое и перспективы»¹⁶. Картина его авторской и общественной деятельности дополняется рядом статей о коренных проблемах современного политического положения в мире (например, «Америка, Россия, Китай», «Русско-американский тупик»¹⁷) и выступлений на митингах, устраиваемых Национальным советом американо-советской дружбы, как, например, 3 марта 1963 г., когда он произнес речь о роли СССР и США в деле сохранения и укрепления мира. Таковы основные биографические данные о Шумане, характеризующие его в известной степени как активного сторонника мира. Но сухой перечень его работ, естественно, не раскрывает перед нами Шумана — исследователя советской проблематики и тем более не объясняет читателю те, пользуясь словами небезызвестного Гарри Шварца, «коренные изменения», которые имели место во взглядах человека, сыгравшего «знаменательную роль в формировании общественного мнения Америки по отношению к СССР»¹⁸. А мы уже упомянули, что этих изменений было немало; добавим — как по ключевым вопросам оценки и понимания современной истории, так и по проблемам строительства социализма в нашей стране. В 1945 г. Шуман писал, к примеру, что Великая Октябрьская социалистическая революция «осуществила мечту всех философов, начиная с Платона — построение общества, основанного на общенародной собственности на средства производства или «новой цивилизации»¹⁹. В 1957 г. он же цитировал примечательные слова Линкольна Стеффенса о России («я видел будущее, и оно действует!») лишь для того, чтобы тут же заявить: «Никто никогда, сказав так мало, не ошибался так сильно. Москва не была в 1919 г. и не является в 1957 г. каким-либо „будущим“ даже для трети человечества, находящейся под господством коммунистов». Социалистический строй в СССР Шуман именовал «драмой России»²⁰.

Надо сказать, что на Западе были, помимо Шумана, и другие наблюдатели, которые на протяжении почти полувека существования нашего социалистического государства превращались по отношению к нему из недоброжелателей в друзей, или наоборот. Но хотя подобные зигзаги и колебания — вещь довольно обычная для буржуазной интеллигенции, каждый случай требует конкретного анализа. Чем была обусловлена столь радикальная перемена во взглядах Шумана на советское общество? Поиски ответа на наш вопрос мы начнем с разбора совокупности его взглядов на развитие общества в целом, с разбора основ его мировоззрения.

¹⁴ W. F. Buckley, L. B. Bozell. Mc Carthy and His Enemies, Chicago, 1954, p. 138.

¹⁵ «The Commonwealth of Man», N. Y., 1952; «Russia since 1917», N. Y., 1957, 508 p.

¹⁶ «The Cold War: Retrospect and Prospect», Louisiana State University Press, 1962.

¹⁷ «New World Review», October 1958 (перевод этой статьи см. «Новое время», 5 декабря 1958 г.); «Current History», January 1959.

¹⁸ «The New York Times Book Review», August 4, 1957, p. 6.

¹⁹ «Soviet Politics at Home and Abroad», p. IX—X.

²⁰ «Russia since 1917», p. VIII—IX.

2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ЭКЛЕКТИЗМ ШУМАНА: «СОЕДИНЕНИЕ» МАРКСА СО ШПЕНГЛЕРОМ И ТОЙНБИ

Изменения в подходе Ф. Л. Шумана к коренным вопросам истории СССР находились в самой тесной связи с эволюцией его воззрений на общественный процесс. Вернемся к ранним годам биографии Шумана. В 1928 г. молодой ученый окончил Чикагский университет, впитав в себя все догмы, которые высшая школа старается привить студентам в такой капиталистической стране, как США. Мы не знаем, насколько хорошо он усвоил их, как не знаем, насколько интересовался он в то время марксизмом. Но если даже эти догмы прочно осели в его сознании, кризис 1929 г., несомненно, нанес сокрушительный удар по ним. Не один Шуман — многие представители буржуазной интеллигенции испытали тогда горькое разочарование в капиталистической системе и стали искать новые пути познания действительности. В 1932 г. в США вышла брошюра «Культура и кризис», клеймившая капитализм и провозглашавшая коммунизм спасителем культурного наследия прошлого. Под ней стояла подпись Шумана, а среди прочих и Драйзера (который тогда еще не был коммунистом), Дос-Пассоса, Колдуэлла. Год спустя, когда появилось первое издание «Международной политики», читателю уже было ясно, что автор его основательно познакомился с трудами Маркса; можно даже сказать, что содержание этой книги создает впечатление известного тяготения Шумана к марксизму. Что касается реакционных кругов, то и тогда и всякий раз в будущем, когда из-под пера Шумана выходили строки сочувствия или одобрения советской действительности, они клеймили его «красным» и обвиняли в «прокоммунизме». И то и другое было, конечно, ложью. Хотя Шуман в силу своего разочарования в капитализме обращался к марксизму, искал у Маркса ответа на мучившие его вопросы, он не шел дальше эклектического выхватывания из марксистского учения отдельных положений, которые старался уместить рядом с традиционными буржуазно-демократическими идеалами.

Ранний Шуман мог писать в одном из разделов первого издания «Международной политики», озаглавленном, кстати, «Кризис капитализма»: «Безработица, нищета, экономическая эксплуатация, излишки производства, забастовки, локауты, бойкоты, ожесточенная конкуренция, демпинги, банкротства, трудности с кредитами, валютная неустойчивость и паника являются результатом системы, основанной на конкуренции и погоне за прибылями... Эти недуги являются, очевидно, врожденными чертами хозяйства, основанного на частной собственности, частных прибылях и индивидуальном предпринимательстве» (стр. 540, 543). Шуман понимал, что капиталистическое общество разделено на антагонистические классы, что мировая буржуазия раздирается непримиримыми противоречиями, принимающими межгосударственный характер, что мировое революционное движение есть движение пролетариата, направленное против «господства буржуазии повсюду» (там же, стр. 831). Эти выводы, естественно, ставили его в понимании происходящих в мире процессов выше тех недалеких (или ослепленных ненавистью к социализму) представителей буржуазной исторической науки, которые и поныне всю борьбу классов объясняют «интригами Кремля» и «присками коммунистов». Но по сути даже и ранний Шуман был весьма далек от марксизма.

Шуман никогда не разделял основного в марксизме — учения о закономерностях общественного развития, о борьбе классов как движущей силе этого развития в антагонистических формациях. Исторический процесс он представлял как циклическое развитие цивилизаций, культур, каждая из которых переживает пору расцвета, а затем вступает в период упадка. Приверженцем этого подхода он, видимо, стал, познакомившись

с трудом Шпенглера «Закат Запада», который впоследствии охарактеризовал как «самое красноречивое из всех недавних изложений циклической теории цивилизации»²¹. Шуман проявил исключительную восприимчивость и к дальнейшим изысканиям, развивающим эту теорию. В середине 30-х годов начал печататься труд Тойнби «Изучение истории», который произвел большое впечатление на американского ученого; во всяком случае уже в 1948 г., когда Тойнби еще был далек от завершения своего капитального сочинения (всего им уже выпущено 12 томов), Шуман считал вклад Тойнби в разработку теории циклической «самым глубоким». И хотя он писал, что «пока еще нельзя полностью оценить стимулирующие обобщения Тойнби и Шпенглера»²², сам он принял на вооружение не только их основные постулаты, но и технологию — ибо у кого, как не у Шпенглера, он позаимствовал выражение «закат Запада», у кого, как не у Тойнби, он почерпнул понятия «мир анархии», «смутные времена», «брейкдаун».

Предрасположенность Шумана к шпенглеризму заставляла его еще в 30-е годы довольно пессимистично смотреть на будущее «западной цивилизации», под которой он понимал апогей капиталистического развития — буржуазно-демократическое общество. Он видел, как лучшие буржуазно-демократические идеалы ежедневно втаптываются в грязь на Западе. Но, разделяя опасения Шпенглера касательно будущего «западной цивилизации», он тем не менее верил, что предсказанный им «закат» можно предотвратить. Иными словами, Шуман не принимал марксистского учения о неизбежности смены капитализма социализмом, и этот водораздел с самого начала оставлял его в рядах буржуазных ученых.

Шуман всегда открыто выражал несогласие с марксизмом в оценке капиталистического общества XX в. «Маркс дал анализ функционирования капиталистического хозяйства и доказывал неизбежность его конечного падения в ходе социальной революции», — констатировал он и возражал: «Однако во многом этот ранний пессимизм оказался безосновательным вследствие развития нового экономического порядка», который принес «улучшение материального благосостояния» и «гигантский по размерам выпуск промышленной продукции». Правда, помня о кризисах и безработице, Шуман считал необходимым обвинить буржуазные правительства в том, что они «неспособны успешно решить экономические проблемы, возникающие в пределах их собственной юрисдикции». Но на пролетарскую революцию американский ученый взирал с ужасом: она рисовалась ему в обрамлении «океана слез и крови»²³.

Шуман предложил третий путь — «новый интернационализм», который «будет основываться не на революционной классовой сознательности воинствующего пролетариата, а на установленных основах международного сотрудничества между государствами... Существующие национальные общества будут интегрированы, координированы и вплетены воедино в прочную систему мирного сотрудничества, из которой в конечном счете возникнет парламент человека и федерация всего мира». А как же классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, остроту которой отмечал сам Шуман? Она может быть предотвращена благодаря «взаимной терпимости и сотрудничеству»²⁴.

По сути, эта идея классового примирения и есть идеал Шумана. Он всегда верил в то, что, не меняя социально-экономического уклада капиталистического общества, можно превратить мир в единое дружное «сообщество» людей и наций. Иллюзии его не раз подвергались жестокому испытанию, и, видимо, не будет преувеличением сказать, что каж-

²¹ «International Politics», 4th ed., p. 11.

²² Ibid., p. 14.

²³ «International Politics», 1st ed., p. 537, 540, 840.

²⁴ Ibid., p. 841—842, 853.

дое такое испытание заставляло его обращаться к марксизму в поисках разумного объяснения тех или иных событий. Но равным образом, когда капиталистический мир временно оправлялся от кризисов и прибегал к искусному камуфляжу своих имманентных пороков, Шуман, не понимая преходящего характера «оживлений» и не замечая камуфляжа, отталкивался от марксизма, с еще большей истовостью проповедуя классовый мир и всеобщее братство.

Так, по окончании второй мировой войны, когда фашизм, представлявший для Шумана главное зло, истекавшее из капиталистических порядков, глазное свидетельство движения западного общества к закату, был разгромлен, а капиталистический мир находился в состоянии относительного бума, он объявляет о том, что отныне будет руководствоваться «применением нового метода», и тут же излагает принципы своей «новой» методологии: «Суть международных отношений в современном мире укладывается в две главные посылки: 1) все люди — братья в силу общности происхождения, божественного руководства и одинаковых чаяний лучшей жизни в лучшем обществе; 2) все суверенные государства — враги вследствие необходимости применения политики силы в мире анархии». На вопрос же, откуда возникло такое положение, Шуман дает любопытный ответ: «Предписания морали даже у тех, чьему взору открываются монотеистические религии высшего порядка, вступают в конфликт с разумом и собственной выгодой. Человека раздирают внутренние противоречия. А отсюда возникают противоречия групп людей, вражда между бедными и богатыми, чистыми и нечистыми, ортодоксией и ересью, нашими и вашими». И так на протяжении всей истории, ибо «цивилизованный человек так же груб, эгоистичен и аморален, как и первобытный»²⁵. Но Шуман должен был как-то совместить это объяснение современных антагонизмов со своей верой в классовое примирение. И он тут же рисует образ совершенно другого человека — мягкого, добренького и терпеливого, непонятно как впадающего в вышеописанные крайности. «Большинство людей преимущественно во всех разновидностях общества, если только они не спровоцированы на крайние действия, покорно принимают унаследованное ими место в жизни», — утверждает американский профессор. И в другом месте: «Добровольное сотрудничество высших и низших слоев общества является нормой исторического развития»²⁶.

Вряд ли удивительно, что после этих весьма примитивных социологических изысканий, воспроизводящих не только религиозные догмы о «греховной природе человека», но и идеи христианской терпимости, мы встретим у Шумана заявление о том, что марксизм содержит «неполноценное объяснение социальных отношений и процессов», вследствие чего не является «надежной социологией». Больше того, он не может скрыть своего раздражения марксистской критикой капиталистического строя: «Данный марксизмом социологический и экономический анализ капитализма просто ошибочен». Меняются по сравнению с 30-ми годами и его взгляды на капиталистическое общество: вместо буржуазии он видит на вершине социальной пирамиды этого общества «элиту», состоящую из «знатных владельцев унаследованных поместий, высшего духовенства, солдат-завоевателей, образованных администраторов, властителей из высших каст, управленческой бюрократии, активных бизнесменов, бездельников-плутократов или любого возможного сочетания этих групп». Что касается масс, то имущественная пропасть между ними и «элитой» не только не расширилась, вопреки заверениям коммунистов, но едва ли не ликвидирована: «в передовых промышленных обществах пролетариат становится богаче, а не бедней», вследствие чего «классо-

²⁵ «International Politics», 4th ed., p. VII, 22.

²⁶ Там же, стр. 16; «Soviet Politics at Home and Abroad», p. 28.

вые противоречия не только не типичны, но представляют исключения». И, конечно же, мы находим у Шумана ставший в последнее время необычайно популярным у буржуазных идеологов тезис о «смягчающем» действии «среднего класса», который якобы «охватывает большинство населения в западных странах»²⁷.

Подводя итоги анализу взглядов Шумана на общественный процесс, можно сказать, что они остались взглядами, типичными для буржуазной науки. Испытав в молодости некоторое влияние марксизма, Шуман не принял учения Маркса о развитии общества, а затем перестал обращаться к марксизму вообще. Его отношение к марксизму, конечно, влияло на даваемые им в разные периоды оценки событий в мире, капиталистического строя и построения социализма в нашей стране. Но следует четко заявить, что в то время как эти оценки могли радикально меняться, производя впечатление шарахания от одной идеологии к другой (что мы увидим далее), на деле мировоззрение Шумана всегда было сугубо буржуазным, лишь подвергаясь ударам, но никогда не меняясь. Важная составная часть его — вера в классовое примирение и достижение интернационального «содружества наций» в классовом мире — должна быть учтена как исходный момент для понимания позиций Шумана — сторонника мирного сосуществования, о чем будет речь впереди.

3. ЗИГЗАГИ ШУМАНА-СОВЕТОВЕДА: КРАХ ОБЪЕКТИВИЗМА В МИРЕ ПОЛИТИКИ

Буржуазное в своей основе мировоззрение Шумана определило и его взгляды на развитие советского общества. Но если это мировоззрение могло в связи с происходящими в мире событиями становиться сравнительно неустойчивым, то отношение Шумана к отдельным аспектам истории СССР в еще большей степени испытывало влияние действительности. Факты жизни, которые стремящийся к объективности исследователь не мог игнорировать (хотя мог за частую и не понимать), то и дело взламывали классовую предубежденность, вынуждали признавать наши достижения в экономике, науке, культуре.

На рубеже второго и третьего десятилетий нашего века капиталистический мир потрясает острейший кризис, более всего поразивший крупнейшую страну этого мира — США. В Европе германский и итальянский империализм, принявший открыто фашистские формы, создает серьезную угрозу новой мировой войны. Пользуясь терминологией Тойнби, для Запада наступает «смутное время», повергающее в ужас ту часть интеллигенции, которая свято верила в незыблемость буржуазно-демократических идеалов. В то же время Советский Союз успешно осуществляет пятилетние планы и уверенно движется вперед, поражая мир темпами промышленного развития. При этом СССР — единственная из великих держав — прилагает усилия к тому, чтобы обуздать фашизм путем создания системы коллективной безопасности.

В этих условиях многие буржуазные интеллигенты на Западе, несмотря на всю свою предубежденность, не могли не проникнуться симпатиями к нашей стране, а некоторые (в том числе, как мы видели, и Шуман) обратились к марксизму в поисках объяснения происходившего. В 1933 г. Шуман заявил, что в СССР «строятся новое небо и новая земля». События 1917 г. в России он характеризовал так: «Возник наиболее революционный и далеко идущий переворот в современной истории, полностью разрушивший существовавшие в России экономические и социальные порядки и потрясший до основания западное общество. Под руководством революционного большевистского крыла социал-де-

²⁷ «Soviet Politics at Home and Abroad», p. 29; «Russia since 1917», p. 23; «International Politics», 4th ed., p. 15.

мократической партии профсоюзы потребовали превращения политической революции в социальную и передачи власти Советам. Импотентный режим Керенского ковылял к своему концу...». После свержения Временного правительства «Советское правительство... немедленно приступило к экспроприации помещиков и буржуазии, отмене частной собственности на землю и средства производства в промышленности, к распределению земли среди крестьян, установлению рабочего контроля на фабриках, заводах и рудниках, а также начало разрабатывать планы обобществленного хозяйства». О диктатуре пролетариата как новой форме правления в нашей стране Шуман писал следующее: «В то время как все другие государства управляются националистически настроенными людьми бизнеса и землевладельцами, движимыми патриотизмом и мотивами извлечения прибыли, эти классы были уничтожены в России и заменены пролетариатом. Русский пролетариат, представляемый Коммунистической партией, выступает против национализма, капитализма, империализма». В КПСС Шуман видел «самую сознательную в классовом отношении часть городского пролетариата, организованную в коммунистическую партию», а главной целью рабочего класса и его партии считал «укрепление социалистического хозяйства»; «эта цель предопределила советскую внешнюю и внутреннюю политику в последние годы». Наконец, на будущее социалистического строя Шуман взирал с большим оптимизмом: «Время, несомненно, на его стороне, ибо советская экономика сама себя поддерживает и подпадает под влияние капиталистических кризисов лишь косвенно»²⁸. Этим взглядам Шуман оставался верен на всем протяжении 30-х годов; больше того, по мере приближения открытого военного конфликта между империалистическими группировками на Западе укреплялся его шпенглеровский пессимизм относительно судеб «западной цивилизации», но росла уверенность в жизнеспособности СССР: «Каков бы ни был исход войны, Советский Союз в основном останется относительно невредим, и новый образ жизни будет там развиваться и впредь»²⁹.

Подобные высказывания не могли прийтись по душе американской реакции. Влияние успехов социалистического строительства в СССР на общественное мнение вызывало глубокую тревогу правящих кругов США. 30-е годы ознаменовались целым рядом антикоммунистических акций правительства Соединенных Штатов (не говоря уже о, так сказать, частной «инициативе» реакционеров). В 1930 г. была создана Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности под председательством Гамильтона Фиша, в 1938 г.— комиссия Мартина Дайса. Дайс и его сподвижники, по характеристике американского историка, преследовали две главные цели: «отождествить нетерпимость (к коммунистам.— Ю. И.) с патриотизмом» и «атаковать либеральные партии и экономические идеи применением к ним определения попутчиков (марксизма.— Ю. И.)»³⁰. В целом антикоммунизм, как свидетельствует известный американский юрист Чейфи, «вызвал ряд беспрецедентных юридических ограничений свободы речи, печати и преподавания»³¹, венцом которых был зловещий «закон Смита» 1940 г., вошедший в историю США как закон о контроле над мыслями. Нам неизвестно, в какой мере преследование прогрессивно настроенных американцев коснулось непосредственно Шумана (хотя мы знаем, что даже лучшие друзья, по его собственному признанию, упрекали его за «прокоммунистические симпатии»). Но атмосфера антикоммунизма, естественно, оказывала влияние на тех представителей буржуазной интеллигенции,

²⁸ «International Politics», 1st ed., p. 481—482, 487—488.

²⁹ «International Politics», 2nd ed., p. 745.

³⁰ H. H. Fisher. America and Russia in the World Community, Claremont, 1946, p. 70—71.

³¹ Z. Chafee, Jr. Free Speech in the United States, Cambridge, Mass., p. 439.

которые из-за своих симпатий к Советскому Союзу прослыли «красными» или «розовыми», однако ни в коей мере не обладали убежденностью в правоте, которая помогала и помогает переносить репрессии настоящим марксистам.

Эта часть буржуазной интеллигенции резко шарахнулась вправо в 1939 г., когда был заключен германо-советский пакт о ненападении, и еще раз в 1940 г., когда началась советско-финская война. Понять суть этих событий, историческую оправданность действий Советского правительства, чьи усилия сколотить антифашистскую коалицию саботировались западными державами, старавшимися столкнуть лбами Германию и СССР, не смогли многие даже стремящиеся к объективности наблюдатели Запада. Во взглядах Шумана произошел фантастически резкий крен. Буквально накануне подписания пакта о ненападении он винил Англию и Францию в срыве системы коллективной безопасности, признавал, что «советские лидеры проявили необычайную проницательность» в ведении международных дел и оправдывал их возможную будущую политику нейтралитета в случае возникновения военного конфликта. «Под коммунистическим руководством,— писал он,— Россия единственная из великих держав являет феномен, чужеродный в век упадка,— ее население растет с необычайной скоростью не вследствие завоеваний, а из недр народа»³². И вот стоило Советскому Союзу, реалистически оценив обстановку, выявив, что западные державы ничего так не жаждут, как канализации гитлеровской агрессии на Восток, позаботиться о собственной безопасности, как американский профессор — стипендиат Вудро Вильсона объявил Сталина «еще одним Цезарем, непротивляющимся агрессии против слабых стран и готовящимся стать агрессором самому». Мало того, он, по-видимому, решил ревизовать свои «розовые» взгляды на советское общество в целом: социалистический строй в его оценке из «нового образа жизни» немедленно превратился в «тиранию»!³³

Если вспомнить дикую свистопляску правых кругов в капиталистических странах по поводу вполне оправданных акций Советского Союза, самую подлую клевету в адрес СССР в буржуазной прессе, если присовокупить к этому чувствительность Шумана к обвинениям в «прокоммунизме», то можно предположить, что столь резкий поворот в его взглядах был данью реакции, попыткой «реабилитировать» себя в ее глазах. Мы далеки от того, чтобы читать мораль Шуману; суть в другом: пример его метаморфоз лишней раз доказал крайнюю неустойчивость убеждений современной буржуазной интеллигенции, пасующей перед возрастающим давлением справа. В случае с Шуманом противоречивость оценок одних и тех же явлений приобрела почти курьезный характер: в том же 1941 г., когда он возопил о советской «тирании», вышло очередное издание его «Международной политики», где раздел, посвященный СССР, полностью сохранил все ранее высказанные им мысли, в том числе и о диктатуре пролетариата. О событиях 1939—1941 гг. мы читаем здесь следующие строки: «В конечном счете дипломатия Кремля столь же блестяще служила интересам Советского государства, сколь блестяще политический курс Даунинг Стрит и Кэ д'Орсэ привел западные демократии к катастрофе»³⁴.

³² «Europe on the Eve», p. 509.

³³ «Night over Europe», p. VI—VII, 282.

³⁴ «International Politics», 3d ed., p. 660—661. О том, какие факторы могут порой влиять на взгляды буржуазных ученых типа Шумана, свидетельствует следующее: перед самым выходом книги в свет он сел писать предисловие к ней. Это было 15 апреля 1941 г., а 13 апреля СССР заключил с Японией пакт о ненападении. И в предисловии Шуман пишет, фактически перечеркивая вышеприведенные строки: «Остается увидеть, послужит ли этот вид «умиротворения», мстительно перечемберливший Чемберлена, советским интересам лучше или хуже, чем его более ранний двойник послужил интересам Англии и Франции» (стр. XI).

В годы войны СССР и «западные демократии» сообща боролись с ненавистным Шуману фашизмом. Известно, что многие противники социализма в США в этот период стали более объективно относиться к нашей стране, вносившей решающий вклад в дело разгрома общего врага. Что касается Шумана, то он просто и легко вернулся на старые позиции. Правда, мы не располагаем системой высказываний Шумана о советской истории и социалистическом обществе, датирующихся военными годами. Но его книга «Советская внешняя и внутренняя политика», несомненно, создавалась не один год, а стало быть, взгляды Шумана 1945 г. можно смело отнести и к более раннему времени.

Несмотря на то, что послевоенный Шуман предстает перед нами как человек, совершенно отказавшийся от какого-либо обращения к марксизму и отвергающий всякую возможность социалистической революции на Западе, он по-прежнему — интересный момент! — расценивает построение социализма в СССР как «практическое применение марксизма»³⁵. Больше того, понимание, что СССР вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашизмом («на каждого американца, погибшего во второй мировой войне, приходится сто советских жизней»), усилило его симпатии к нашей стране. Именно в эти годы появляется уже упоминавшаяся нами наиболее положительная шумановская оценка социалистической революции в России как «самой разрушительной и самой созидательной социальной революции всех времен», как воплощения «мечты всех философов со времен Платона». «Советский коммунизм — новая цивилизация», — писал он в предисловии к книге (стр. IX—X). Не закрывая глаза на неверные и порой явно клеветнические выводы и положения, которыми будут изобиловать его дальнейшие работы, отметим, что подобные строки, выражающие искреннее восхищение достижениями социализма в нашей стране, — явление почти исключительное в буржуазной науке.

Примечательно, что в 1945 г. Шуман, излагая свои взгляды на историю СССР, открыто полемизирует с фальсификаторами. «Я предпочитаю рассматривать русский опыт как прогрессивный поиск путей решения человеческих проблем», — заявляет он. «Вряд ли можно согласиться с тем, что Россию толкнули на революционную авантюру мирового значения марксистские экстремисты, которые вели не желавший того народ... Правильнее считать, что марксистские экстремисты пришли к власти в России, так как русские массы были уже одержимы желанием спасти мир». Говоря о трудностях, возникавших в ходе создания нового общества в СССР из-за отсутствия опыта и вследствие сопротивления уходящих классов, Шуман призывает историков не давать волю предубеждениям: «Как и все созидательные дела, процесс построения социализма требовал, чтобы в гигантском масштабе падали деревья и рушились скалы. Жалость к тем, кого при этом задело или раздавило, не должна ослеплять наблюдателей, мешать им видеть то хорошее, что было достигнуто в конечном итоге». Возражая «иностранным критикам», которые «охотно приходят к заключению, что советская интеллигенция представляет беспомощных рабов», он пишет: «Ничто не отстоит дальше от правды. Нигде никогда ни одно правительство не сделало столько для развития искусства и науки, сколько сделало советское, путем предоставления возможностей учиться, работать и публиковаться, а также материального обеспечения ученых и артистов» (стр. XIV, 168, 198, 322—333).

Эти выводы были явно направлены против официозной американской историографии истории советского общества. Ярким пропагандистом концепции развития России конца XIX—начала XX в. как губи-

³⁵ «Soviet Politics at Home and Abroad», p. 27.

тельной борьбы «экстремистских» и «анахронических» сил (т. е. революционеров и самодержавия), между которыми оказались раздавленные «сторонники среднего курса» (русская буржуазия), был эмигрировавший в США кадет М. Карпович, создавший целую школу «специалистов по России»; об «ужасах» и «насилии» в ходе индустриализации и коллективизации, о «подавлении личности» при социализме твердили широко печатавшиеся и возносившиеся реакцией буржуазные публицисты типа Луиса Фишера и Уильяма Чемберлина, а также ренегаты коммунистического движения, преимущественно троцкистского толка, как Дейчер и Истмен³⁶, на чьи оценки широко полагалось американское советование.

Но нам представляется, что вершины объективизма Шуман достиг в оценке социалистической демократии. Именно демократизм нашего общества подвергается наиболее ожесточенным нападкам буржуазных идеологов на протяжении уже почти полувека, именно здесь арена наиболее жарких столкновений между нашими друзьями и недоброжелателями на Западе. Что же писал Шуман о советской демократии в 1945 г.? «Величайшей славой Советского государства является достижение действительного равенства прав и возможностей для народов всех рас, языков и культур». Американский ученый не только опровергал «широко распространенное в Соединенных Штатах впечатление, что советские граждане „не имеют прав“, а советские чиновники облечены арбитражной властью, не ограниченной законом», как «не соответствующее фактам», но и бросал упрек «западным демократиям», которые по сравнению с СССР воплотили «древнюю мечту о равенстве и братстве лишь формально, но не всегда по существу» (стр. 304, 340). Подобные высказывания были настоящим вызовом ортодоксальному буржуазному советоведению, кредо которого гласит: Запад — свободное общество, в СССР «отсутствует свобода».

Это не означает, конечно, что Шуман был способен постичь до конца суть советской демократии. Сделав по сравнению с довоенным временем шаг вперед в оценке демократического характера Советской власти, Шуман сделал два шага назад в оценке классовой природы нового строя. Признавая, как мы видели, в 30-х годах, что управление Советским государством осуществляется рабочими и крестьянами, заменившими ранее господствовавшие классы, он ныне восклицает: «Кто правит вместо старых господ? Лучший ответ будет не „пролетариат“, не „рабочие и крестьяне“, и даже не „коммунистическая партия“, а „советская интеллигенция“» (стр. 579). Тенденция рассматривать общественную структуру (как в капиталистическом мире, так и в СССР) под углом «элитизма» — об этом мы знаем из предыдущего раздела — проявилась здесь в причислении к «элите», хотя и с оговорками, советской интеллигенции (стр. 582).

Любопытны и шумановские оценки внешнеполитического курса СССР. словно забыв свои обвинения Советского Союза в «цезаризме», в стремлении совершить «агрессию», «умиротворить» фашизм и т. п., Шуман так характеризует события 1939—1941 гг.: «Люди в Москве пришли к выводу, что западные мюнхенцы ни в коей мере не отказались от „умиротворения“ и предпочитали соглашение с Берлином, Римом и Токио любой прочной коалиции с СССР против фашистского тройственного союза». Именно понимание этого вынудило Советский Союз пойти на пакт о ненападении с гитлеровской Германией. И опять отпор явным клеветникам: постоянно изображая этот пакт как «согла-

³⁶ М. Карпович. Imperial Russia, N. Y., 1930; W. H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921, N. Y., 1935; Его же. Collectivism: A False Utopia, N. Y., 1937; Max Eastman. The End of Socialism in Russia; Его же. Stalin's Russia and the Crisis in Socialism, etc.

шение», Даллин и другие противники коммунизма представляют его в «ложном свете» и искажают его суть (стр. 370, 379).

Эти позиции Шумана и особенно его полемика с антисоветски настроенными авторами навлекли на него критику последних. М. Фейнсод, в будущем один из наиболее ярых антикоммунистов в американском советоведении, заявлял о «слабости анализа» Шумана³⁷. Вальдемар Гуриан, специализировавшийся по проблемам «тоталитаризма», назвал его книгу «весьма разочаровывающей» и пожаловался, что «стало почти невозможно писать о Советском Союзе» (т. е. писать, не проникаясь к нему симпатиями)³⁸. Бывший журналист У. Чемберлин, чью рецензию поместил яроантисоветский журнал «New Leader», раздраженно обвинил Шумана в «оскорбительной, неистовой, чуть ли не патологической предрасположенности»³⁹.

Эту реакцию правых кругов необходимо учесть как один из факторов, влиявших на поступки Шумана в дальнейшие годы. В первой половине 1946 г., когда появились отзывы на «Советскую внутреннюю и внешнюю политику», обвинение в симпатиях к СССР еще не влекло за собой ни материальных репрессий, ни особого морального давления, — хотя речь Черчилля, произнесенная 6 марта в небольшом американском городке Фултоне в присутствии Трумэна, по сути уже предвещала послевоенный период «холодной войны». Однако по мере усиления «холодной войны» усиливался и нажим реакции на всех «инакомыслящих» в Соединенных Штатах.

Выход социализма за пределы Советского Союза и образование мировой социалистической системы повергли в ужас буржуазию крупнейших империалистических стран, в том числе и США. История, неумолимый ход которой империализм пытался силой остановить в 1918—1922 гг., сделала еще один шаг по направлению от капитализма к социализму. Об открытом вооруженном вмешательстве в дела стран Восточной Европы, твердо решивших строить новую жизнь, не могло быть и речи ввиду мощи Советского Союза, стоявшего на защите суверенитета этих стран. Оставалось одно — развернуть кампанию бешеной клеветы на коммунизм и Советский Союз, готовя силы и сколачивая ссозы для агрессии. И в этой новой схватке между двумя общественными системами роль главного антагониста СССР и социалистических стран, вдохновителя и лидера всех антикоммунистических блоков закономерно взяли на себя США как самая могущественная страна капиталистического мира.

Какую позицию в этих условиях заняли симпатизировавшие нам американцы? Тем, кто не обладал марксистско-ленинским пониманием закономерностей общественного развития, было трудно разобраться в сути послевоенных событий, понять вопреки антисоветской пропаганде невиданного масштаба, что приход восточноевропейских народов к социализму отражал закономерности исторического развития. Познавание этой истины для широких слоев общества осложнялось и отсутствием правдивых источников информации — как и в первые послеоктябрьские годы в буржуазной прессе широко распространялись домыслы эмигрировавших на Запад врагов нового строя и замалчивались достоверные сведения.

И все же можно с уверенностью сказать, что некоторое время после окончания войны Шуман, если и не пришел к полному объективному пониманию совершавшихся событий, то, во всяком случае, был далек от выполнения заказа реакции. Так, он указывал, что «управляемые коммунистами режимы 1945—1946 гг. не были скопированы по образцу СССР», что правительства стран народной демократии «преданно

³⁷ «American Political Science Review», June, 1946.

³⁸ «Commonweal», March 1, 1946.

³⁹ См. четвертое издание «Soviet Politics at Home and Abroad».

следовали программам частичного обобществления промышленности и финансовой системы», что «антикоммунистические политические группировки в Польше, Венгрии, Румынии и Болгарии не подавлялись, пока англо-американская кампания в защиту «демократии» не приняла форму антисоветского шпионажа и интриг некоторых ориентированных на Запад политиков». Анализируя международные отношения в послевоенный период, Шуман также руководствовался верным подходом. Он указывал, что «англо-американская монополия на атомную бомбу производила впечатление молчаливой угрозы», и рисовал «картину Великобритании и Америки, сплотившихся против СССР» (стр. 541).

Но впереди были еще более сложные события и трудные времена — США вступили в полосу разнузданного антикоммунистического психоза, вошедшего в историю под именем маккартизма или «охоты на ведьм». Сигнал к этой охоте был дан самим правительством США еще в марте 1947 г., когда Трумэн подписал приказ о массовой проверке «лояльности» государственных служащих. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности с помощью ФБР начала травлю прогрессивно мыслящих американцев. Репрессиям подверглись не только коммунисты, но и люди самых различных убеждений, далеких от коммунизма. «Охота на ведьм» охватила и научный мир — реакционеры стремились подавить всякое проявление независимости, привить молодежи сугубо ортодоксальный образ мыслей. «В безумные 50-е годы для большинства общественных деятелей и периодических изданий в США было буквально немыслимо упомянуть о России, Китае и коммунизме, не извинившись за это, не облив эти страны презрением и клеветой,— пишут американские публицисты Элен и Скотт Ниринг.— Мы хорошо помним день.., когда один наш хорошо информированный друг сказал нам: „С будущего года на профессиональную лекторскую трибуну в США больше не будут допускаться лекторы, которые выступают за рабочее движение или симпатизируют Советскому Союзу“. Это предсказание сбылось почти полностью. Лекторы, радиокомментаторы, газетные обозреватели и другие лица, работающие в областях, непосредственно связанных со снабжением народа пищей для размышлений, были подвергнуты многочисленным проверкам и перепроверкам. Были отстранены фактически все, кто были левее центра или, как сейчас выражаются, „придерживался спорных мнений“. Свое положение сохранили лишь те, кто подчиняется идеологическим и политическим нормам, установленным олигархией»⁴⁰.

Судебные преследования и материальные санкции, разумеется, не могли поколебать убежденности коммунистов в своей правоте (хотя и были отдельные случаи ренегатства). Но угроза репрессий и травля в печати оказывали сильное влияние на буржуазную интеллигенцию, испытывавшую симпатии к нашей стране, но лишенную твердости убеждений. В 1950 г. Шуман вместе с Шэпли отказался явиться на заседание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Мы не знаем, подвергся ли он репрессиям и каким, известно только, что к нему намеревались применить «общественные санкции»⁴¹. Но в начале 50-х годов отношение Шумана к СССР резко меняется. В вышедшей в 1952 г. книге «Сообщество людей» он неловко отрещивается от основных идей своего труда 1946 г., который де «устарел», так как был написан под влиянием надежд на «либерализацию советского режима», оказавшихся ныне «крайне сомнительными, если не вовсе ложными»⁴².

⁴⁰ Элен и Скотт Ниринг. США сегодня, М., 1956, стр. 108, 110—111.

⁴¹ W. F. Buckley, C. B. Bozell. Op. cit., p. 332.

⁴² «The Commonwealth of Man», p. 177.

Каковы же были взгляды американского профессора на советское общество в годы разгула маккартизма? Они вполне соответствовали «духу времени». Марксизм на этот раз представлялся ему не просто «неполноценной теорией», а «мифом». Коммунизм, по его мнению, — «заговор рвущихся к власти лиц». Что касается Октябрьской революции, то она произошла потому, что «Россия в 1917 г. попала под политический контроль крошечной группы революционных фанатиков... небольшой группы возвратившихся изгнанников и конспираторов — подпольщиков»; ныне же власть в СССР осуществляется «элитой элит». Впрочем, и всего этого Шуману кажется мало, и через год он объявляет, что переход стран Восточной Европы к социализму был осуществлен путем «заговора» и «обмана» в условиях присутствия советских войск; СССР сделал попытку «завоевать мир», но благодаря «контрпопыткам Америки... отбросить волну советской экспансии» довольствовался тем, что установил «коммунистическое господство» в Восточной Европе⁴³.

Трудно поверить, что вся эта клевета вышла из-под пера человека, всего шесть лет назад называвшего социалистический строй в СССР «новой цивилизацией». Но именно такого поворота на сто восемьдесят градусов требовала от обвиненных в «прокоммунизме» лиц реакция, и она могла быть вполне довольна: Шуман оправдывал ожидания. И действительно, если в посвященной СССР главе «Нового международного ежегодника» 1952 г. антисоветский подход отсутствует, то в том же издании следующего года наша страна буквально облита грязью! Однако непостоянный поклонник Советского Союза оказался столь же непостоянным попутчиком крайней реакции.

К середине 50-х годов международное напряжение несколько спало. Западные страны и Советский Союз нашли общий язык по ряду вопросов. Было заключено перемирие в Корее, подписан Государственный договор с Австрией, состоялось совещание глав правительств четырех держав в Женеве, на котором было заявлено о плодотворности переговоров для улаживания спорных проблем. Несколько улегся маккартизм в США. И Шуман, спасовавший перед реакцией, снова пытается нащупать свой, «особый» подход к изложению истории советского общества. Действительность снова тянет его «влево»: рекордно быстрое восстановление разрушенного войной народного хозяйства в СССР, исправление ошибок, совершенных в условиях культа личности, последовательное проведение Советским Союзом политики мирного сосуществования произвели сильное впечатление на общественность капиталистических стран. Но условия, в которых факты жизни воздействовали на сознание ученого, были другими, нежели в 30-х гг.

Здесь нам хотелось бы отметить еще два фактора, существенно влиявшие на дальнейшую эволюцию американского историка. После войны объем исследований СССР в США неизмеримо возрос, советоведение было прямо поставлено на службу правящих кругов и в нем соответственно утвердились выгодные им концепции. Ученый, желающий бросить вызов этим концепциям, должен был полемизировать с несомненно большим кругом оппонентов, чем в 1946 г., господствующие тенденции гораздо сильнее давили на него как своей массой, так и более тонкой маскировкой под научность, создавали вокруг него враждебную общественную среду.

Второй фактор — субъективное восприятие Шуманом собственных шахаханий. За «недосказанность», если можно так выразиться, общих положений, противоречивость исходных позиций и выводов его крити-

⁴³ Ibid., p. 188—189, 193; «International Politics», 5th ed., p. 416—417, 433.

ковали и справа и слева еще в 1946 г.⁴⁴ Он, конечно, понимал, что повторные резкие изменения взглядов в дальнейшем — своеобразное постоянство непостоянства — не будут способствовать укреплению его репутации вдумчивого исследователя и не увеличат, а скорее уменьшат его вес в академических кругах. Видимо, и поэтому, отказавшись в изменившихся условиях от крайних взглядов 1952—1953 гг., Шуман все же не смог вернуться на позиции 1946 г.

«Многие суждения по многим вопросам, предложенные десять лет назад, были сильно видоизменены ввиду новых фактов», — заявил он во введении к книге «Россия после 1917 г.». Общая «видоизмененная» оценка истории советского общества, в которой Шуман постарался найти какое-то среднее арифметическое между своими предыдущими полярно отличными воззрениями, звучала теперь так: «Драма России после 1917 г. представляет переплетение трагедии и триумфа, неудач и успехов, сбывшихся надежд и развеявшихся, как пыль, грез» (стр. IX—X). Что касается конкретных событий советской истории, то «переплести трагедию и триумф» в изложении их оказалось удивительно легко: в новой работе Шуман оставил целые куски из книги 1946 г., переписав другие с учетом своего резкого крена в сторону антикоммунизма в эпоху «охоты на ведьм».

В работе 1957 г. сохранилось, в частности, сочувственное описание индустриализации и усилий советской дипломатии создать антифашистскую коалицию. И здесь и там Шуман пишет, что социалистическая индустриализация была «уникальной» в том смысле, что в ходе ее за десять лет «были осуществлены свершения, на которые потребовалось полвека или более в других странах». Забыв о том, что пять лет назад он делил советский народ на «олигархов» и «рабов», Шуман переписывает восторженные строки из ранней книги: «Почти все советские граждане участвовали в выработке планов, внесли лепту в их осуществление в соответствии со своими возможностями и пожали их плоды. Ничего даже отдаленно похожего на эту попытку не предпринималось ранее. Большинство зарубежных наблюдателей выражали поэтому уверенность, что она потерпит неудачу. Но, как во всех других делах, имеющих решающее значение для будущего, партия и народ успешно осуществили задачи, которые сами перед собой поставили». А дальше мы читаем о «сказочной действительности» и «ошеломляющей реальности» (стр. 144, 145). Казалось бы, эти строки должны были заставить Шумана отказаться от ложного взгляда на структуру советского общества, который он поспешил огласить в период «охоты на ведьм». Но американский профессор по-прежнему изображает Советское государство «олигархией». И вместо признания советской демократии мы находим строки о «различных противоречиях между теорией и практикой, законами и фактами, идеологией и действительностью в общественной жизни Советского Союза» (стр. 206, 217).

Если говорить о книге 1957 г. в целом, то следует признать, что вопиющие противоречия пронизывают ее больше, чем какой-либо другой труд Шумана. В 1946 г. он мог, как мы видели, упрекать Давида Даллина в искажении германо-советского пакта о ненападении. Десять лет спустя, когда тезисы Даллина были широко распропагандированы американским буржуазным советоведением, он называет этот пакт даже не «соглашением» (против чего возражал тогда), а «делкой» (!) и пишет о «стремлении СССР вернуть ранее утерянные территории»

⁴⁴ Помимо уже указанных отзывов Фейнсода, Гуриана и Чемберлина, см. рецензии на «Soviet Politics at Home and Abroad» в журналах «New Yorker», «New Masses», «Political Science Quarterly», «United States Quarterly Book List», «Weekly Book Review» и др. Эта книга, писал критик в последнем журнале 10 февраля 1946 г., «разозлит как тех, кто полностью стал на сторону Советской России и коммунизма, так и тех, кто полностью против».

(стр. 260). На другого Даллина — Александра, эмигранта Андерса и предателя Каменецкого⁴⁵ Шуман полагается в изложении событий Великой Отечественной войны. В результате наряду с характеристикой победы СССР как «чуда героизма, массового самопожертвования, умения воевать и руководить страной» мы встречаем утверждение, что «только безумный садизм нацистов, чьей манией было порабощение или уничтожение всех недочеловеков.., заставил обитателей степей (т. е. советский народ.— Ю. И.) предпочесть сталинизм гитлеризму в выборе из двух зол меньшего» (стр. 292, 281, 279). Какая чудовищно нелепая и низкая клевета в устах человека, писавшего в 1946 г.: победа СССР над Германией является «лучшим свидетельством боевого духа советского общества и прочности его образа жизни». Как совместить одно с другим? Как боевой дух, прочный образ жизни, чудо героизма и массовое самопожертвование могут держаться на выборе из двух зол меньшего? Американский профессор никогда не сумеет объяснить это советским людям, которым оскорбительна сама постановка вопроса о выборе между социализмом и фашизмом.

Шуман, по-видимому, вздохнул с облегчением, когда в процессе написания «Russia since 1917» подошел к моменту, на котором заканчивались работы, стяжавшие ему славу «красного» в маккартистской Америке. Можно было писать дальше, не боясь обнаружить противоречивость во взглядах с прежним Фредериком Шуманом. Но как писать? Мы уже отметили, что в ряде случаев действительность вновь оказала определенное влияние на его взгляды.

Шумана поразило то, что страна, понесшая колоссальные, ни с чем не сравнимые потери во второй мировой войне, сумела за десять лет восстановить и превзойти прежний уровень своего экономического развития. Возрождение разрушенного народного хозяйства европейской части СССР он называет «чудом» и с удивлением отмечает, что это чудо «было достигнуто без иностранной помощи». Более того, Советский Союз восстановил свою экономику «быстрее и эффективнее, чем Англия, страны Западной Европы и другие государства, получающие милости от янки» (стр. 320—322). Обозревая весь пройденный Советской страной путь, он констатирует «главный факт советской жизни: превращение сельской, нищенской, безграмотной, грязной, истощенной и бесталанной России времен нэпа в городскую, образованную, чистую, процветающую и эффективно развивающуюся Россию шестого пятилетнего плана». Это, кстати, заставляет его волей-неволей признать, что как «метод» улучшения жизненных условий социализм «представляет огромное значение для большей части человечества». Забывая о том, что в мире, где действуют две системы, спор в основном сводится именно к тому, чей способ производства — капиталистический или социалистический — является более передовым, Шуман пишет: «На вопрос, может ли такая (социалистическая.— Ю. И.) система действовать, ответ дан давно. В настоящее время (и, насколько можно предвидеть, в течение бесконечного будущего) советская схема социалистического хозяйства действует необычайно хорошо» (стр. 329, 332). Блестяще, профессор Шуман! Вы, хотели того или не хотели, сказали сущую правду. И то, что она режет слух кое-кому из антисоветски настроенных советоведов, посчитавших Вас было окончательно «своим», как, например, Гарри Шварцу⁴⁶, только доказывает, что по мере дальнейшего

⁴⁵ A. Dallin. German Rule in Russia 1941—1945, N. Y., 1957; I. Kamenetsky. Hitler's Occupation of Ukraine, N. Y., 1957; W. Anders. Hitler's Defeat in Russia, London, 1953. Разбор некоторых типичных для этих работ концепций см. в статье А. А. Курносова и Е. С. Лагутина «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны и буржуазная историография» («История СССР, 1960, № 3, стр. 172—178).

⁴⁶ «The New York Times Book Review», August 4, 1957, p. 6.

роста экономической мощи СССР буржуазной науке будет все труднее увязывать признания этого роста с извращением других аспектов нашей истории и действительности.

А извращений у Шумана было более чем достаточно и в описании послевоенных лет истории советского общества. Шуман предвзято толковал отношения СССР и социалистических стран, ряд советских внешнеполитических акций, следуя рецептам буржуазной историографии, выискивал в советской жизни свидетельства «великорусского этноцентризма» и «панславизма», писал о «железном занавесе» и т. п.

Шуман соткан из противоречий. Таков первый вывод, который позволяет сделать знакомство с его работами о нашей стране. И это естественно, ибо, как уже было сказано вначале, сложное воздействие комплекса факторов — буржуазного мировоззрения, влияний политического климата в США, советской действительности — определило сложный характер взглядов и зигзагообразный путь буржуазного историка. Приблизительно можно сказать, что в анализе развития советской экономики на Шумана наибольшее влияние оказала действительность; в оценке классового характера советского общества и отношении к социалистической революции — его буржуазное мировоззрение; что касается наиболее клеветнических выпадов в адрес СССР («элита элит», «олигархия», «попытка Кремля завоевать мир»), то они были сделаны тогда, когда реакция оказывала особенно сильный нажим на американскую буржуазную науку.

Из вышесказанного, по-видимому, напрашивается второй и главный вывод: как советовед Шуман, при всем своем реализме и в ряде случаев объективном подходе, являет пример неспособности понять советскую действительность. Приближаясь в отдельные периоды по ряду вопросов к правильному отображению фактов, достигнув предела объективизма, на который способен буржуазный ученый — объективизма в характеристике нашего политического строя, он тем не менее никогда не мог постичь сути социалистического общества в целом⁴⁷ и скатывался на крайне правые позиции, когда реакция оказывала на него ощутимое давление.

4. ШУМАН — ПОБОРНИК МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Несмотря на столь резкие изменения взглядов Шумана на советское общество, есть проблема, в отношении которой он на протяжении всей своей научной деятельности последовательно придерживался неизменных позиций. Это проблема войны и мира. Шуман неустанно призывал к решению возникающих в мире конфликтов мирным путем, к укреплению связей и дружбы между народами.

Истоки постоянных выступлений Шумана за мир во всем мире кроются в одной из характерных черт его буржуазно-либерального мировоззрения — пацифизме. «Я ненавижу войну», — говорит он. Его пацифизм христианского толка. Он бросает клич людям «добиваться... братства людей под руководством бога — отца в условиях мира»⁴⁸. В конце 30-х годов, когда межимпериалистические противоречия неумолимо вели Европу к войне, Шуман с болезненной прозорливостью

⁴⁷ Общий характер работ Шумана затрудняет его сравнение с некоторыми другими стремящимися к непредвзятости и отмежевывающимися от антикоммунизма учеными. Их работы не содержат извращений, встречающихся у Шумана, но следует отметить, что в отличие от Шумана они специализировались, как правило, на исследовании более или менее конкретных проблем. Так, У. Уильямс занимался изучением русско-американских отношений; Э. Фромм, Д. Флеминг и Д. Моррей — внешней политики СССР; К. Ламонт — национальной политики Советского правительства.

⁴⁸ «Night over Europe», p. X; «New World Review», October, 1958.

представлял ее последствия: «В итоге тяжких лет, а то и десятилетий конфликта широкие просторы европейского континента будут опустошены и покинуты людьми... Черная магия и каннибализм выползут из заброшенных нор, злобно ухмыляясь тусклому свету угасающего дня... Железные дороги покроются ржавчиной. На земле, на море и в небе воцарится пустота... Цивилизация сойдет в безмолвный могильный покой»⁴⁹. Эти строки — крик измученной души пацифиста. Но пацифизм не вел Шумана, как это столь часто бывает, к бездеятельности, к непротивлению злу насилем. Напротив, он публично осудил действия западных держав, попустительствовавших фашистской экспансии, а по мере расширения военного конфликта все более склонялся к мысли, что США должны внести свою лепту в активную борьбу с фашизмом. В 1938 г. (когда, кстати, в США очень сильна была тенденция «изоляциялизма») Шуман писал, что в случае, «если возможность фашистской гегемонии над евразийским континентом станет реальной, США будут сражаться». А в июле 1941 г., когда его спросили, должны ли Соединенные Штаты предпринять действия против немецких подводных лодок, рыскавших по Атлантике (что, конечно, могло вовлечь их в войну с Германией), он воскликнул: «Мой ответ — решительное да!»⁵⁰.

Но, предвидя неизбежность второй мировой войны как результата действия «сил внутри западной государственной системы» или, иными словами, порожденного этой системой фашизма, Шуман тем не менее никогда со времен интервенции 1918—1920 гг. не считал фатально предначертанной войну между Советским Союзом и западными державами, т. е. войну между социализмом и капитализмом, и во всяком случае никогда не переставал призывать обе стороны к улучшению отношений. Разумеется, при этом он был склонен идеализировать «здравый смысл» политики буржуазных правительств. Но для нас гораздо важнее другое: он часто критиковал внешнеполитические курсы западных стран, в том числе США, и признавал обоснованность и миролюбивость советской внешней политики. Проследим взгляды Шумана на отношения между СССР и капиталистическими странами начиная с 1917 г.

Историки-объективисты, занимающиеся исследованием «холодной войны», все чаще подчеркивают мысль о том, что эта «война» началась не после 1945 г., с образованием социалистической системы, а в 1917 г., когда возникло первое в мире социалистическое государство⁵¹. Важность такой постановки вопроса в том, что истоки напряженности современного международного положения и пути ее ослабления она предлагает искать не в событиях первых послевоенных лет, о которых благодаря усилиям буржуазной пропаганды у многих людей на Западе создалось предельно превратное представление, а в самых ранних отношениях между СССР и капиталистическими странами. Общественности Запада предлагается задуматься над политикой, которую страны Антанты и США с самого начала проводили в отношении Советского Союза, — а каждый мало-мальски начитанный человек знает, что это была политика вражды и открытого вооруженного вмешательства. Недавно открытую приверженность этой точке зрения на истоки «холодной войны» высказал и Шуман⁵². Но осуждение интервенции импе-

⁴⁹ «International Politics», 2nd ed., p. 743—744.

⁵⁰ F. L. Schuman and George Soule. *America Looks Abroad*, N. Y., 1938, p. 11; R. F. La Follette, F. Schuman, R. W. Stone. *Should America Clear the Seas of the Nazis?* «University of Chicago Round Table Broadcast», July 20, 1941, p. 3.

⁵¹ См. напр., D. F. Fleming. *The Cold War and Its Origins 1917—1960*, London, 1961.

⁵² «The Cold War: Retrospect and Prospect», p. 79.

риалистических держав в Советской России и сопутствовавшей ей антисоветской кампании в буржуазной прессе мы встречаем и в его предыдущих работах, посвященных СССР.

Шуман прямо заявлял о том, что правящие круги западных держав с самого начала сочувствовали контрреволюционным силам в России, а затем перешли от сочувствия к открытой поддержке. «Вооруженное насилие 1918 г. было... результатом решения вершителей политики на Западе прибегнуть к блокаде и интервенции в надежде... задушить в колыбели, как позднее выразился Черчилль, опасность прихода коммунистического правительства к власти в одной из великих держав». Шуман признавал и то, что союзники субсидировали врагов революции и выступали единым фронтом с антибольшевизмом внутри самой России⁵³.

Правда, к убежденности в том, что интервенция была следствием рассчитанной политики западных держав, Шуман пришел не сразу. В 1928 г. он считал, что причиной интервенции был мятеж чехословаков и оспаривал мнение Робинса о том, что союзники стремились использовать вооруженных чехословацких легионеров в борьбе с Советской властью⁵⁴. Попытки исказить причины вооруженного вмешательства капиталистических стран во внутренние дела Советской России предпринимаются буржуазными историками и сейчас⁵⁵. Не исключается, что в формировании их версии сыграла роль и первая работа Шумана. Но Шуман сам опроверг впоследствии все нюансы различных толкований причин интервенции, имеющие целью в конечном счете доказать, что она была «необходима» для возобновления военных действий против кайзеровской Германии на Восточном фронте. Он заявил, что «интервенция, изображаемая насущной мерой в войне с рейхом, в действительности началась до заключения брест-литовского мира», что Япония, Англия и Франция размышляли об оккупации Сибири еще в ноябре 1917 г.⁵⁶ Шуман рассматривал поездку американского консула Дьюитта Пуля в декабре 1917 г. на Дон и его совет послу Фрэнсису поддержать белоказаков как доказательство того, что и США были причастны к планам Антанты⁵⁷.

Особо важный момент изучения истории тех бурных лет — понимание мотивов советской внешней политики. Подавляющее большинство буржуазных ученых (не понимая или сознательно фальсифицируя марксизм) из веры коммунистов в неизбежность социалистической революции во всех странах априорно выводит стремление СССР способствовать этой революции внешнеполитическими «агрессивными» действиями. Здесь нет необходимости останавливаться на этой глубоко ложной посылке; важно другое — основываясь на ней, нынешние противники мирного сосуществования на Западе выдвигают миф о том, что политика коммунистов неискренна, что мирное сосуществование — всего лишь «уловка» с целью выиграть время и затем «похоронить капитализм». Ясно, что объективное назначение этого мифа — оправдывать империалистическую политику гонки вооружений и усиления международной напряженности. Он довольно часто используется высокопоставленными политическими деятелями Запада. Американское

⁵³ «Russia since 1917», p. 94; «Soviet Politics at Home and Abroad», p. 153.

⁵⁴ «American Policy Toward Russia since 1917», p. 92—94.

⁵⁵ По Д. Кеннану, например, высадка американских и японских войск на Дальнем Востоке была вызвана желанием помочь чехам добраться домой (G. Kennan. The Decision to Intervene, Princeton, 1958, p. 159).

⁵⁶ «Russia since 1917», p. 105.

⁵⁷ Там же, стр. 106. «Этот эпизод,— писал Шуман,— показал, кто из союзников с которым из русских врагов Ленина стремится сотрудничать». Более объективный подход Шумана был, естественно, оставлен как Кеннаном, так и другими защитниками американского престижа без внимания.

советоведение приложило немало усилий, чтобы научно «доказать» историческую обоснованность недоверия призывам СССР к мирному сосуществованию⁵⁸.

Что касается Шумана, то мы видели, что и он в 1953 г. отдал дань реакции, возопив о «попытке Кремля покорить мир», — эту «попытку» он рассматривал в связи с изначальным намерением «группы фанатиков-революционеров» совершить «мировую революцию»⁵⁹. Но на том начиналась и кончалась солидарность Шумана с крайне правым крылом в американском советоведении. Шуман мог в 1957 г. указать, что «постоянные призывы большевиков к мировой социалистической революции больше всего бесили западных политиков», но он тут же оговаривался: «наша задача — проанализировать то, что люди делали, а не то, что они могли бы сделать»⁶⁰.

Больше того, как бы вспомнив о своей смелой полемике с фальсификаторами в 1946 г., он решается в 1957 г. бросить перчатку тем, кто пытался дискредитировать советскую политику мирного сосуществования, выискивая в работах советских государственных деятелей и прежде всего В. И. Ленина высказывания о неизбежности конфликта между империализмом и социализмом. Эти буржуазные авторы намеренно игнорировали как конкретное содержание ленинских положений, так и основной объединяющий их смысл: если такой конфликт неизбежен, то лишь постольку, поскольку империалистические страны не оставят попыток сокрушить Страну Советов. Именно в умолчании того и другого упрекает Шуман своих собратьев — буржуазных историков, цитирующих слова В. И. Ленина о том, что «ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен»⁶¹. Шуман напоминает, что Ленин говорил об этом в марте 1919 г., «когда армии союзников пытались сокрушить Советскую власть силой»⁶². И тут же, защищая идею мирного сосуществования, он приводит слова Г. В. Чичерина, сказанные весной 1920 г., когда Советское государство уже окрепло: «Наше социалистическое государство и капиталистические государства могут сосуществовать мирно, находясь в хороших отношениях друг с другом»⁶³.

Таким образом, поддержка Шуманом политики мирного сосуществования основывается, помимо его субъективных устремлений к миру, вытекающих из пацифистских воззрений, еще и на убежденности в том, что СССР искренне хочет мира и не считает различие двух общественных систем препятствием к поддержанию хороших отношений с капиталистическими странами. Эти позиции Шумана заставляли его оценивать внешнеполитические действия Советского Союза и западных держав именно с точки зрения их пользы для укрепления мира.

Так, в 20-х годах угрозу миру, по мнению Шумана, представляли усилия реакционных кругов капиталистических стран вдохновить новую агрессию против Советского Союза. Шуман обвиняет в этом

⁵⁸ Этой цели практически служит почти вся необычайно обширная американская литература по советской внешней политике — как монографии (напр., G. Kennan. *Russia and the West Under Lenin and Stalin*, N. Y., 1961; Ph. E. Mosely. *The Kremlin in World Politics*, N. Y., 1960; W. W. Kulsy. *Peaceful Co-existence. An Analysis of Soviet Foreign Policy*, Chicago, 1959), так и статьи в научно-политических журналах (напр., Чемберлина в «*The Russian Review*», January 1961; Пахтера в «*Problems of Communism*», January — February 1961; Мосли в «*Foreign Affairs*», October 1962).

⁵⁹ «*International Politics*», 5th ed., p. 416.

⁶⁰ «*Russia since 1917*», p. 95.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 133.

⁶² «*Russia since 1917*», p. 125.

⁶³ Шуман цитирует Г. В. Чичерина по книге А. Л. P. Dennis. *The Foreign Policies of Soviet Russia*, N. Y., 1924, p. 384.

прежде всего Англию, правящие круги которой, в частности лорд Биркенхед, «тщетно пытались организовать англо-франко-германскую коалицию против СССР». Он подчеркивает, как мы видели, что и внутренняя и внешняя политика СССР определялись потребностями построения социализма в стране и особо отмечает предложение Советского Союза о немедленном и полном всеобщем разоружении, которое было внесено в 1932 г. в Лигу Наций и отклонено капиталистическими странами⁶⁴. Когда в начале 30-х годов реакция снова предприняла попытку создать единый антисоветский фронт как способ решения внутривосточных трудностей капиталистического мира после «великого кризиса», Шуман писал, что «конфликт между капитализмом и коммунизмом в форме классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом и международной борьбы Советского Союза и западных стран должен быть предотвращен взаимной терпимостью и сотрудничеством»⁶⁵.

Об антифашизме Шумана мы уже говорили достаточно. Здесь необходимо лишь подчеркнуть, что в 30-е годы воинствующий антифашизм был важнейшей составной частью борьбы за мир во всем мире, непротивленчество же и умиротворение вели прямой дорогой к войне. Сохранение мира в тот период было возможно лишь в случае противопоставления агрессивной группировке фашистских государств коалиции европейских стран, включавшей СССР, Англию и Францию. Понимание этого обусловило одобрение Шуманом советской внешней политики, направленной на создание системы коллективной безопасности, и резкое осуждение внешнеполитических курсов западных держав. Он не стесняется прямо бросить обвинение: «Фашистские территориальные приобретения и мобилизация сил для завоевания мира стали возможными благодаря позиции и действиям социальной верхушки и политических руководителей Великобритании, Франции и Соединенных Штатов... Вина за гибель коллективной безопасности лежит на западных демократиях, а не на Советском Союзе... Восемь раз за восемь лет (1931—1939)... СССР призывал к коллективным действиям против агрессоров. Восемь раз западные державы уклонялись от принятия на себя ответственности и благословляли агрессоров»⁶⁶. Особенно горько Шуману было видеть, что к непротивлению агрессорам причастны и США. Поездка Литвинова в Вашингтон в октябре 1933 г. не принесла желанного «американо-советского сотрудничества с целью сдержания Японии и Германии», так как «Рузвельт и Хэлл не могли и не хотели брать на себя какие-либо обязательства такого рода»⁶⁷.

Особенно важное значение проблема мирного сосуществования приобрела после второй мировой войны, когда противоречия между капитализмом и социализмом обострились, а арсенал средств ведения войны пополнился оружием невиданной разрушительной силы. В 1946 г., когда политика открытой вражды и агрессивности по отношению к Советскому Союзу только вынашивалась в Соединенных Штатах, Шуман подчеркивал исключительную роль этих двух стран в послевоенном мире и призывал к прочной дружбе и сотрудничеству между ними. «Никакие другие народы не могут внести большой вклад в поиски человечеством новых путей осуществления древних надежд на единство людей... Они смогут, если захотят, претворить в жизнь яркие обещания своего разобщенного прошлого и перестроить мир, сделав его удобным жильем для свободных людей... В их единстве и только в единстве заключен путь, который принесет всем людям новую и полную бесконеч-

⁶⁴ «Soviet Politics at Home and Abroad», p. 274—275.

⁶⁵ «International Politics», 1st. ed., p. 853.

⁶⁶ «Russia since 1917», p. 157—158.

⁶⁷ Там же, стр. 166.

ных надежд жизнь». Одновременно Шуман, понимая, что в военные годы реакционные круги в США не умерили своей злобы к СССР и социализму, а лишь вынуждены были затаить ее в надежде повернуть Америку на антисоветский путь после победы, писал, что «третья мировая война возможна лишь в том случае, если Америка и Россия станут антагонистами в извечной игре силы»⁶⁸.

В годы разгула маккартизма призывы к миру в США навлекали подозрения в «прокоммунизме» и влекли за собой репрессии, мало чем отличающиеся от преследований коммунистов. Министерство юстиции США даже издало приказ о привлечении к судебной ответственности должностных лиц Информационного центра сторонников мира в США на том основании, что они не зарегистрировались в качестве «агента иностранного принципала» (т. е. СССР). Можно понять поэтому, что заставляло Шумана воздерживаться от каких-либо оценок перспективы мира и рекомендаций сближения с Советским Союзом. Тем более он не рисковал подвергать столь же смелой, как раньше, критике действия США. Но в 1957 г. он уже мог высказать свое мнение по международным проблемам, не боясь политических репрессий.

Шуман заявляет, имея в виду время разгара «холодной войны» и войны в Корее, что «никогда за эти тревожные годы московские вершители политики не замыслили вооруженной агрессии против Запада». Оценивая актив советской дипломатии в период смягчения международной напряженности, он пишет, что Советский Союз «укрепил коммунистический блок (т. е. лагерь социализма.— Ю. И.), заслужил уважение за ввод 16 новых членов в ООН... и сорвал англо-американские усилия сколотить эффективные коалиции в юго-западной Азии и на Ближнем Востоке». В целом Шуман характеризует достижения советской дипломатии как «выдающиеся»⁶⁹. Что касается внешней политики Соединенных Штатов, то она, по его мнению, проводилась не лучшим образом. В Европе одной из ее целей было «увечивание разделенности Германии» путем подключения «первооружаемого рейха» к Северо-атлантическому пакту; в Азии «гибельными оказались попытки Англии и Америки перетянуть арабские страны на свою сторону в борьбе против Советского Союза». Доктрина Эйзенхауэра «предлагала устранить несуществующую опасность неподобающими средствами и избегала соприкосновения с насущными проблемами Среднего Востока», где «ничто не было столь мало вероятным, как военное нападение СССР». Так же Шуман характеризовал и Багдадский пакт — «союз, направленный против СССР, который не только никоим образом не представлял угрозы тому району, но и мало был в нем заинтересован»⁷⁰. Правдивые признания, тем более ценные, что они были в то время редкостью в буржуазной историографии.

Еще более резкой критике Шуман подвергает политику США в последующие годы. В статье «Русско-американские отношения зашли в тупик» он пишет, что главными целями США на международной арене являются «объединение и перевооружение Германии в союзе с Западом против Востока.., объединение всего некоммунистического мира в военную коалицию против Красной Угрозы... и, как конечный идеал, свержение коммунистической власти повсюду». Мы видим, что Шуман направляет в адрес США едва ли не те самые обвинения в стремлении к «мировому господству», которые он еще недавно предъявлял Советскому Союзу! О внешней же политике СССР, как и в 1957 г., пишется, что она, «вопреки распространенным в Америке ми-

⁶⁸ «Soviet Politics at Home and Abroad», p. 514, 599.

⁶⁹ «Russia since 1917», p. 446.

⁷⁰ Ibid., p. 396, 403, 460, 470.

фам, не преследует цели военного покорения Западной Европы и всего мира»⁷¹.

Особую тревогу Шумана вызывала политика США в германском вопросе. Он хорошо помнил, что именно вооружившаяся до зубов фашистская Германия развязала вторую мировую войну. Включение ФРГ в НАТО, поставки ей оружия означали превращение ее в орудие агрессии против социалистических стран. Эти явно враждебные делу мира и интересам европейских народов акции сопровождались шумихой в западной прессе о воссоединении Германии путем свободных выборов. Стремясь ликвидировать социалистические завоевания в ГДР и привязать всю Германию к колеснице НАТО, правящие круги США утверждали, что Советский Союз нарушил якобы существовавшую договоренность о проведении свободных выборов. В письме в редакцию «New York Times» Шуман протестовал против этих домыслов: «Не могу понять, какую цель, помимо запутывания вопроса, может преследовать извращение советской политики в отношении Германии... Американская политика по-прежнему неизменно направлена на вооружение рейха и его объединение с Западом против Востока», а это, естественно, делает невозможным воссоединение Германии⁷². Отметим, что на эти высказывания Шумана сослался Н. С. Хрущев, опровергнув утверждения о «договоренности» СССР и США о проведении свободных выборов и заявив, что «такой договоренности никогда не было»⁷³.

Другим вопросом международной политики, которому Шуман уделял большое внимание в конце 50-х годов, была подготовка совещания на высшем уровне. Долгое время народы надеялись, что встреча глав правительств поможет урегулировать спорные проблемы и добиться дальнейшего ослабления международной напряженности. Разделяя эти надежды, Шуман, однако, не мог не видеть, что правительство США взирает на перспективу встречи в верхах с крайней неохотой. «В то время как внешняя политика США в последнее время была непоследовательной в других аспектах, в отношении встречи глав правительств или даже конференции министров иностранных дел ответ правительства Эйзенхауэра был ясным и недвусмысленным — нет!», — с горечью признавал он. Больше того, поскольку определенные политические круги США «заинтересованы в постоянных трениях и неурядицах» международной обстановки, вследствие чего «Вашингтон и впредь будет расценивать холодную войну как моральную, политическую, дипломатическую и экономическую необходимость», Шуман приходил к грустному выводу: «В этих условиях совещание глав правительств... находится за пределами возможностей политики»⁷⁴. Слова его сбылись в мае 1960 г., когда ведомый Фрэнсисом Генри Пауэрсом самолет-шпион рухнул на советскую землю под Свердловском, и встреча глав правительств была таким образом сорвана агрессивными действиями американской военщины.

Но Шуман надеется, что правительство США не вечно будет говорить «нет» переговорам, что «разум одержит верх». Подчеркивая, что СССР призывает США «ответить на его вызов другим способом, чем отрицание», он пишет: «Если этот вызов может быть конструктивно принят, неизбежное продолжительное соперничество великих держав — далеких от того, чтобы угрожать человечеству термоядерным уничтожением, — будет содействовать здоровой, богатой и счастливой жизни человечества»⁷⁵.

⁷¹ «Current History», January, 1959, p. 32, 35.

⁷² «The New York Times», January 21, 1958.

⁷³ Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом, М., 1959, стр. 35.

⁷⁴ «Current History», January, 1959, p. 35—36.

⁷⁵ Ibid., p. 36.

Можно, таким образом, сказать, что Шуман всегда был сторонником мирного сосуществования социалистических и капиталистических стран. К сотрудничеству между ними, и в первую очередь между СССР и США, он призывал и в 1928 г., и в 1946, и в 1957, и в 1959. Нет свидетельств, что он изменял своим взглядам на проблемы войны и мира даже в годы «охоты на ведьм». Вера Шумана в возможность хороших отношений между государствами с разными системами отличается от убежденности в возможности мирного сосуществования, присущей советским людям, в ее основе лежат пацифизм и идеалы классового примирения. Но это нисколько не умаляет значения призывов Шумана к миру и дружбе, его здравого подхода к целому ряду международных проблем и критики внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

5. ВЗГЛЯДЫ ШУМАНА В 1962 г.—ИЗВРАЩЕНИЯ, ПРИЗНАНИЯ, ЗДРАВЫЕ ПРИЗЫВЫ

Все противоречия, вся сложность воззрений Шумана на советское общество и историческое развитие, как в капле воды, отражены в его последней книге «Холодная война: взгляд в прошлое и перспективы». Взгляды Шумана 1957—1959 гг. почти не изменились, они как бы законсервировались на одном уровне. Шуман по-прежнему крайне извращенно толкует одни аспекты советской жизни, делает важные признания по другим, и при всем этом по-прежнему призывает к улучшению отношений и взаимопонимания между СССР и США. Поскольку эта книга Шумана не является исследовательской,—она, как уже говорилось, представляет конспект лекций, прочитанных в университете штата Луизиана, и рассчитана, естественно, на среднюю студенческую аудиторию США,—мы не будем подробно разбирать ее. Предложим читателю несколько иллюстраций трех «ликов» г-на Шумана.

Лик первый — разного рода извращения.

Советская внутренняя и внешняя политика «дуалистична». Она имеет два истока — национальные интересы государства и «культ мессианского универсализма» (аналогичный дуализм, оказывается, был характерен и для римской империи времен Цезаря, и для католической религии, и для исламизма, и для Чингис-хана, и для французских якобинцев, и даже для Джефферсона, Вильсона и Рузвельта — стр. 8, 9). Советское государство «тоталитарно», эта «тоталитарность» возникла как «средство обороны от внутренних и внешних врагов в гражданской войне» (стр. 46) и т. п.

Лик второй — вынужденные признания.

О внутренней жизни СССР: «Сегодняшняя Россия представляет мощную, процветающую и передовую нацию... необычайно образованную, с высоко развитой промышленностью и крупными городами... Советское общество — цветущее и быстро развивающееся общество с ежегодным приростом промышленного развития в 7—9% валового национального продукта» (стр. 26—27, 60).

О международных проблемах: социалистические преобразования в странах Восточной Европы были не нарушением ялтинских и потсдамских соглашений, вопреки утверждениям западных историков, а «нарушением англо-американской интерпретации» этих соглашений. Первопричину же их западным исследователям нужно искать глубже: в мюнхенскомговоре 1938 г., когда Запад уступил Восточную Европу Гитлеру «в очевидной надежде, что он нападет на Россию и оставит западные державы в покое». Гитлер напал на Россию и был побежден; Восточная Европа была освобождена русскими, вынесшими на своих плечах «почти всю тяжесть войны» (стр. 84, 85).

Вина за срыв парижской встречи глав правительств в мае 1960 г. лежит на США, чье правительство лгало, было уличено во лжи и в «вопиющем нарушении международного права», а потом даже не принесло извинений (стр. 90—91).

Война в Лаосе возобновилась в 1960 г. вследствие того, что «Политиканы в Вашингтоне начали оказывать поддержку прогнившему и дискредитированному режиму в Южном Вьетнаме (1961—1962 гг.), чем навлекли новые беды и неудачи» (стр. 96—97).

Лик третий — призывы к мирному сосуществованию.

«Величайшей опасностью в наше время, как я понимаю ее, является не вызов коммунизма как таковой, а то, что анархия в международных делах, политика с позиций силы, войны — все эти извечные спутники человечества продолжают существовать в термоядерном веке, когда приверженность к ним может вполне привести к прекращению рода человеческого» (стр. 72).

Спасение лежит в прекращении гонки вооружений и ядерных испытаний, а для этого нужно вести переговоры. Утверждение американской стороны, что эффективный контроль над производством и хранением ядерного оружия в СССР окажется невозможным, не имеет оснований, ибо во всяком случае трудности такого контроля гораздо больше в США, чем в СССР, — «в России нет частной военной промышленности, приносящей прибыли ее владельцам» (стр. 73).

Большую опасность миру представляют система определения агрессии при помощи радарных схем (ибо эти схемы могут быть неисправны, а у обслуживающих их людей могут сдать нервы), а также приобретение ядерного оружия новыми странами, своеобразное «расширение клуба термоядерных самоубийц» (стр. 73, 74).

Следует приветствовать стремление государств не примыкать к каким-либо блокам — нейтрализм и политика неприсоединения не являются «аморальными», как заявлял Д. Ф. Даллес, а «крайне желанны как вклад в дело мира; нейтрализация некоторых районов по международным соглашениям также крайне желанна как вклад в дело мира» (США поступили неправильно, не приняв «план Рапацкого» о создании в Центральной Европе безатомной зоны — стр. 94).

Итак, предвзято, с позиций фальсификации интерпретируя ряд важных аспектов советской истории и действительности, Фредерик Льюис Шуман, как и раньше, проявляет способность реалистично оценить эту действительность в других случаях и не перестает звать народы на путь мира.

* * *

Марксизм требует ясной классовой характеристики всех явлений в мире идеологии и политики, в том числе поведения и взглядов тех или иных государственных и общественных деятелей, публицистов и ученых капиталистических стран. Разбор работ американского советоведа Фредерика Льюиса Шумана подтверждает некоторые особенности расстановки сил в борьбе вокруг ряда важных проблем современности.

В конфликте двух социальных миров и их идеологий прямо или косвенно участвует все человечество. Полюса его предельно ясны — буржуазия и пролетариат, силы империализма и социализма. Но штормы и бури классовой борьбы постоянно переносят с места на место разного рода неустойчивые частицы, прибывая их то к одному, то к другому полюсу и заставляя метаться между ними. В. И. Ленин определил как место, так и социальную принадлежность таких частиц, или лучше сказать слоев, в капиталистическом обществе: они находятся «между развитым капиталом и пролетариатом» и состоят из представителей «класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, тор-

говле и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п.»⁷⁶.

Ленинская характеристика целиком верна и в современных условиях. Несмотря на то, что направленность буржуазного советоведения в целом определяет антикоммунизм (что было подчеркнуто вначале), объективная действительность — конкретные достижения социализма и пороки капитализма — вкупе со страхом перед новой войной, которую готовит империализм и против которой неустанно борются коммунисты, постоянно вызывает кризисные явления в буржуазной идеологии, создает в ней трещины, приводит к известной дифференцировке течений внутри нее. Пример Шумана подтверждает, что в капиталистическом мире, в том числе в Соединенных Штатах, есть ученые, стремящиеся более или менее объективно подойти к изучению истории нашей страны; отправляясь от неверных посылок, они, тем не менее, в процессе конкретного исследования приходят к выводам, резко отличающимся от концепций ярых антикоммунистов. В работах этих ученых можно найти и правильные оценки фактов, свидетельствующие о том, что идеологическая предубежденность не всегда приводит к фальсификации, к толкованию изучаемых явлений в соответствии с требованиями империалистической политики.

Конечно, воздействие реального мира на таких людей в силу разных причин не всегда одинаково: в целом верное освещение одних проблем у них соседствует с извращением других. Сложность здесь в том, что по отношению ко всей совокупности взглядов, определяющих буржуазное мировоззрение, действительность может оказать решающее влияние в одних случаях и не оказать влияния в других. Так, возникает эклектическое сочетание разных оценок, не уживающихся друг с другом и борющихся между собой в сознании человека. Положение еще более усложняется тем, что быстротекущая жизнь предлагает новые и новые противоречивые факты и явления, в свою очередь влияющие на борьбу этих оценок. Важно, однако, отдать себе отчет: мы не можем ждать от представителей буржуазной науки объективного изучения всех вопросов истории и действительности, ибо для этого нужно быть не буржуазным ученым, а марксистом.

Равным образом наличие явно искажающих действительность положений в работах исследователей объективистского толка было бы ошибочно непременно объяснять сознательным фальсифицированием. Сознательное извращение фактов всегда преследует определенные политические цели, продиктованные интересами или, как мы часто говорим, заказом правящих кругов. Историк-антикоммунист хорошо понимает суть этого заказа и вытекающие из него задачи, поэтому он никогда не вознамерится оспаривать правильность империалистической политики; напротив, он будет петь ей панегирик и подводить под нее теоретическую основу. Историк-объективист часто критикует империалистическую политику и не менее часто выступает против крайнего антикоммунизма.

Последний момент особенно важен для определения нашего отношения к позициям того или иного буржуазного ученого в целом. Какими же данными на этот счет мы располагаем о Ф. Шумане?

Надо сказать, что о неприятии Шуманом основных тезисов антикоммунизма свидетельствуют многие высказывания в его работах разных лет; наша задача облегчается тем, что он сам фактически свел их воедино в статье «Россия, Америка, Китай». «Я не могу согласиться,— писал он,— с тем, что все зло в мире — результат коммунистического заговора». Что касается американской политики в отношении СССР,

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 162; т. 32, стр. 253.

то в ней есть «ошибка, серьезная ошибка... Десятки... официальных американских версий о России и Китае были и есть просто мифы и басни, выдуманные на высшем уровне в качестве основы внешней политики». Скажем прямо, к некоторым из этих «басен» был причастен и сам Шуман. Но теперь он решительно от них отмежевывается.

Фашизм и коммунизм? — «Я не могу согласиться с тем, что коммунизм и фашизм — одно и то же».

Вина русских за возникновение холодной войны? — «В конечном счете холодная война в основном является следствием отказа Америки обращаться с Советским Союзом как с равной державой».

Коммунизм угрожает завоевать мир? — «Вызов коммунизма является вызовом социальным и экономическим, вызовом в области просвещения, техники и науки».

Может быть, СССР замышляет хотя бы «покорение Европы»? — «Никакая русская армия никогда не вторгалась и никогда не вторгнется в Западную Европу, если Западная Европа первой не вторгнется в Россию».

США всего лишь стараются спасти «свободный мир» от «советской агрессии»? — «Соединенные Штаты на протяжении многих лет проводят политику окружения России и Китая... путем создания сотен бомбардировочных баз вокруг их границ... Американское условие сводится к тому, что Америка может диктовать свои условия России и Китаю и каким-то образом заставить их пойти на безоговорочную капитуляцию перед американскими требованиями».

Опровергнув измышления антикоммунистов, Шуман решительно обрушивается на антикоммунизм, заявляя, что последний «не является и никогда не может быть действительной внешней политикой», но служит «обильным источником дохода для американских бизнесменов и профсоюзных лидеров, имеющих большие контракты для производства на оборону... за границей много раз служил предлогом для самых кровавых и самых разрушительных войн, которые когда-либо велись, и для самого массового убийства людей в истории». Далее Шуман пишет, что «антикоммунизм служит в Америке прекрасным источником вдохновения, сплочения и самооправдания некоторой группе людей, которой отчаянно необходимо уйти от реальной действительности».

Выступления против антикоммунизма и призывы к мирному сосуществованию — эти два важнейших фактора — позволяют отмежевать Шумана от реакционной буржуазной науки, отнести к нему иначе, чем к представителям последней. В постановлении июньского Пленума ЦК КПСС говорится, что «в современных условиях война не является неизбежной, что объединенными усилиями социалистических государств, мощным разворотом борьбы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех миролюбивых сил войну можно предотвратить»⁷⁷. К миролюбивым силам на Западе, помимо трудящихся масс, относится и часть буржуазной интеллигенции — ее борьба за предотвращение новой мировой войны, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем служит общему делу мира и прогресса.

Следует четко заявить, что это, разумеется, вовсе не предусматривает мирного сосуществования нашего мировоззрения с мировоззрением ратующих за мир буржуазных ученых, в том числе Шумана. Напротив, их ложные взгляды на развитие общества и происходящие в мире явления, а в особенности искажения ими социалистической реальности всегда будут подвергаться резкой критике коммунистов. Но их выступления против антикоммунизма и призывы к миру безусловно заслуживают нашего признания и поддержки.

⁷⁷ «Правда», 22 июня 1963 г.